

Кирилл Липцис

Рассказы

Пассажир один не полетит

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Липцис
Пассажир один не полетит

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70087663

SelfPub; 2023

Аннотация

Все эти истории когда-то произошли именно со мной. Ну... или не произошли.

Содержание

Гинденбург	4
Пассажир один не полетит	9
Ветер над городом полон песка	14
Мама	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кирилл Липцис

Пассажир один не полетит

Гинденбург

– ...Ах, оставьте, Фрэнк, я не люблю политику! Нахожу её скучной и малозанятой. Лучше объясните мне ещё раз, как вся эта огромная штука держится в воздухе? Со всеми этими людьми, каютами, с этими столиками... С такой большой миссис Томсон, в конце концов!

– Водород, фройляйн, – терпеливо улыбаюсь я, – водород легче воздуха, он и держит весь цеппелин.

– Фрэнк, у вас ужасно смешной немецкий! И зовите меня Марта, в Берлине давно не говорят девушкам фройляйн!

Марта замолчала, разглядывая Нью-Джерси с высоты птичьего полета. После бескрайнего Атлантического океана смотреть на игрушечные домики и ползущие по дорогам авто было занято.

– А рояль? – неожиданно отвернулась она от окна гондолы, – Господи, Фрэнк, зачем, в трансатлантическом перелёте рояль?

Она явно нервничает, похоже, боится высоты. Это плохо. Трудно будет уговорить её использовать парашют.

– А на рояле, мы надеялись, вы нам что-нибудь исполни-

те. Например, эту вашу Марлен Дитрих. Вас вчера так упрасивали господа в черной красивой форме... Почему вы отказались?

– Хм, – фыркнула Марта, – не люблю нацистов, слишком много о себе думают.

Папа говорит, что они Германию до добра не доведут. А Марлен уже скорее ваша, чем наша. Кстати, её я тоже не люблю...

Марта опять стала смотреть в окно.

– Папа говорит, фюрер в следующем году начнет войну. Он так и сказал: война неизбежна, пускай хоть тебя она не коснется. Не то что бы я ему не верю, но уж слишком много он общается с господами из СД. А вообще-то, мне всегда казалось, что мы, немцы, прагматичный народ. А война – это так не прагматично...

Вот и зря не веришь, девочка. Только не на следующий год... Сейчас у них 1937, значит, через два года...

– А знаете, Фрэнк, у вас и английский странный какой-то. Вроде и акцента нет, а как-то необычно выговариваете. Вы случайно не шпион? Папа говорит, сейчас полно шпионов. Ой, что это там такое справа внизу? Высокое... Как вы говорили? Причальная башня?

– Причальная мачта.

– Значит наше путешествие уже подходит к концу? Ой, меня же должны встречать! Здравствуй, Америка! Как я выгляжу?

Да, Марта, путешествие подходит к концу. И ваше уж точно.

Если пробовать, то прямо сейчас...

"Гинденбург" начинает снижаться. Значит осталось всего пять с небольшим минут. Стальной трос в машинном отделении, со звуком лопнувшей струны, перерубит трубопровод, искры от разорванного металла зажгут водород и ровно за 34 секунды величественный цеппелин сгорит дотла.

– Марта, я задам вам один странный вопрос. Можно? – Девушка заинтригованно кивнула и отвернулась от окна.

– Если бы вы знали что-то, чего не могут знать остальные. Что-то очень важное... И одновременно, что-то очень плохое... Вы бы рассказали кому-нибудь?

– Вы о войне? Так это уже ни для кого не тайна. Мой отец работает в рейхсканцелярии, ну вы, наверное, сами знаете. Но меня это не касается. Ни его работа, ни все эти разговоры о великой Германии меня не касаются.

– Нет... Я не о войне... Представьте. Тонет корабль, и вы можете спасти только одного человека...

– Я спасу папу!

– Нет, из тех, кто сейчас рядом! Прямо сейчас!

– Прямо сейчас? То есть здесь, на "Гинденбурге"?

– Да, прямо здесь и прямо сейчас... да к черту метафоры!

Просто доверьтесь мне, я могу спасти одного человека, и я выбираю спасти вас...

3 минуты 20 секунд...

– Фрэнк, вы меня пугаете. Если это шутка, то она мне не нравится, я пойду в свою каюту за вещами, увидимся на земле...

– Марта, вы не успеете. Потому что... Мне никто никогда не верит...

Подождите, послушайте, сегодня, шестого мая 1937-го года при посадке «Гинденбург» загорится и рухнет с высоты 60 метров. И вы погибнете. Сгорите, не долетев до земли... Подождите, Марта, не уходите, если вы решитесь, у меня есть для вас парашют, он, конечно, не такой надёжный, какие будут через сто лет, но всё-таки...

2 минуты ровно...

– Вы сумасшедший! Или нет? Кто вы, Фрэнк? Если вы что-то знаете, вы просто обязаны рассказать капитану! Хотя бы честно скажите кто вы и, клянусь, я вам поверю...

Где-то оглушительно хлопнуло, дирижабль вздрогнул и по его корпусу прошла дрожь. Откуда-то сверху раздались взволнованные голоса и топот ног.

21 секунда...

– Я всего лишь математическая погрешность, частный

случай квантовой неопределенности, смоделированный искусственным интеллектом, – грустно ответил я, – в общем, это уже неважно, Марта. Я никогда не успеваю...

Я никогда не успеваю. Никогда не хватает времени. Наверное, потому, что никакого времени просто не существует.

Я захлёбывался в ледяных волнах Атлантики, глядя как исчезает громада Титаника, я взрывался вместе с космическим кораблем Коламбия. Меня засыпало раскаленным пеплом Везувия в 72 году и медленно убивало смертельным излучением реактора в 1986-м.

Хуже всего было, конечно, в 2023-м, но об этом вам знать пока что рано.

И да, я не спас ещё никого. Ни единого человека. Но это не значит, что я когда-нибудь перестану пытаться.

20.03.2023

Пассажир один не полетит

– Ничего не выйдет! Тут и вдвоём-то не взлетишь! А втроём точно никак! – пилот возбужденно размахивает руками.

Он только что пробежался до края обрыва, наверное, ещё и шаги посчитал. Воздух уже по-осеннему прозрачен и с высоты двух тысяч метров открывается великолепный вид. Словно топографическая карта под ногами. Желто-красные лесопосадки, зелёные виноградники... Вон там, чуть правее, игрушечные крыши деревушки Ассерджи.

Где-то недалеко от них площадка фуникулёра. Канатная дорога проложена прямо сюда, на плато. Италия. Я не люблю Италию.

– Пассажир один не полетит, – жестом останавливаю я объяснения пилота. Тот замолкает на полуслове и разводит руками.

Я, конечно, мог бы спуститься вместе со всеми на фуникулёре, а их с пилотом отправить в Рим одних... Вот только теперь я пассажира нашего не оставлю. Ни на минуту.

Мы искали его всё лето. И за это чертово лето чего только не было!

Безнадёжные поиски вслепую, бесчисленные расспросы агентов, проверки разведданных. Бесконечные скитания по портовым кабакам, в надежде узнать хоть что-то. Разговоры с какими-то матросами, торговцами и прочими тёмны-

ми личностями. Переезды и даже перелёты. Ощущение, что драгоценное время утекает сквозь пальцы.

В июле нас над Сардинией сбили союзники. И пока мы плавно падали в лесопосадки, я думал о том, что задание, всё-таки провалил.

Если бы тогда не удалось сбить пламя, если бы не удалось сесть прямо в поле... Ну уж нет!

Теперь пассажир номер один останется со мной, и я доведу его живым, чего бы это мне не стоило. Ну или не доведу...

– Слушай, – говорю я пилоту, – успокойся, всё будет хорошо. Никто не знал, что второй Шторх сломает шасси. На ремонт нет времени. Улетать надо прямо сейчас, пока ребята внизу фуникулёр удерживают.

Пилот молчит. Мы оба смотрим как солнце медленно опускается за черту обрыва. Оно тоже торопит нас. Десантники молча курят в стороне. Все ждут моего решения. По запылённым лицам трудно что-то понять, но глаза их тоже прикованы к заходящему солнцу. Они точно никуда не уйдут, пока самолёт с пассажиром не оторвётся от земли.

– И потом... Если вы вдвоём не сможете взлететь или вас собьют по дороге или арестуют по прилету в Рим... В общем, меня тогда всё равно расстреляют. Так что летим втроём.

– Я понял, – кивает пилот, – летим втроём. Эх, взлётку бы подлиннее метров на сто хотя бы!

Он машет рукой и самолёт окружают десантники.

– Держите крылья пока я не дам отмашку! Держите изо

всех сил, мне нужно максимально поднять обороты. И... молитесь за нас!

– Вы готовы? – я подхожу к нашему пассажиру, виновнику всей этой кутерьмы, грузному мужчине лет шестидесяти, – мы полетим втроём, – жестом показываю ему я.

Интересно, он вообще меня понимает?

– Sì, – кивает пассажир, встаёт и твёрдой походкой направляется к самолёту. Лицо бледное, губы плотно сжаты.

Вот ребята его подсаживают на крыло, и он скрывается в дверях.

Чихнув пару раз, яростно ревёт мотор. Его звук с каждой секундой становится всё выше и выше, все нестерпимей для ушей. Площадка наполняется клубами дыма. Десантники, упиравшись ногами в землю, намертво вцепились в крылья, не давая легкому «Шторху» покатиться вперёд к пропасти.

– Всё, – кричу я на ухо их лейтенанту, – упадём мы или взлетим, вы свою работу выполнили. Спускаетесь на фуникулёре и вместе с основной группой отходите, дальше всё по плану. Берите с собой только раненых и да поможет вам бог.

Лейтенант кивает. Отсалютовать он не может – двумя руками вцепился в крыло.

«Удачи, командир!» – читаю я по его губам и киваю в ответ.

Я протискиваюсь в самолёт и крепко обхватываю спинку кресла пассажира. Даже сквозь пронзительный вой я слышу, как тот непрерывно что-то говорит по-итальянски. Навер-

ное, молится. И правильно делает.

Шторх рвёт с места, и подпрыгивая на неровностях, неотвратно летит к краю обрыва.

Да, взлетка-то явно маловата! Я, конечно, не лётчик, но это видно не вооружённым глазом!

И не взлетка это вовсе... Так, пешеходная тропинка, наспех расчищенная диверсантами. Наверное, по ней наш пленник частенько приходил на обрыв любоваться закатами. А теперь вот мы по ней взлетаем.

Всё быстрее и быстрее... всё сильнее трясёт... всё пронзительней рёв... А вот уже виден край, вон там, рядом с двумя камнями...

Ну что ж, может и взлетим! Вроде скорость взлётная... Ну же! Ещё немного, последняя сотня метров...

Да что он делает?!

Пилот неожиданно рвёт штурвал на себя и Шторх подпрыгивает вверх... приподнимается на пару метров и... снова бьётся о землю. Чёрт! Драгоценная скорость потеряна! Это конец!

Я ещё успеваю увидеть в окне трещину, помешавшую нам... как же мы её раньше не заметили?!

Тропинка кончается и самолёт, пролетев последние метры по твёрдой земле, камнем срывается вниз с обрыва.

В лобовое окно пилота ослепительно бьёт солнце. Оно уже садится, оно огромное и красное. Через равнину тянутся длинные тени ближайших скал. Медленно, как во сне при-

ближается итальянская земля. Не люблю Италию. Лёгкий одномоторный Шторх всё больше заваливается носом вниз. Солнце исчезает.

Я вижу, как на приборной доске ползёт вниз стрелка альтиметра... 500... 300... Неожиданно звук мотора меняет тональность... Словно сделав глубокий выдох и набравшись сил, самолёт начинает выравниваться. 200... 100... Не может быть! Только бы хватило высоты!

Нас троих яростно вдавливают в пол, кабина снова наполняется закатным солнцем.

– Мamma Mia! – шепчет пассажир, поворачивая ко мне бледное лицо.

Самолёт, победно качая крыльями, набирает высоту и ложится на курс в Пратика-ли-Маре.

– Отто! У нас получилось, Отто! – кричит пилот, от волнения обращаясь ко мне по имени, – О! Извините, поздравляю, господин штурмбаннфюрер! – со счастливой улыбкой заканчивает он, нарочно повысив меня в звании.

– Спасибо. Спасибо что не угробил нас, – сдержанно улыбаюсь я, и помолчав, касаюсь плеча нашего пассажира:

– Вы в порядке, Дуче?

– Si, – отвечает пассажир, – grazie!

6.07.2020

Ветер над городом полон песка

*Ветер над городом полон песка
И каменной соли
И если прислушаться, слышен рассказ
Знакомый до боли...*

6 октября 2023

На самом деле, никакого песка в воздухе, конечно, нет, просто Иерусалим всегда такой.

Терракотовый и слегка мерцающий в жарком мареве.

Шумный, многоголосый, яркий и... вечный.

Кажется, его здания, стены и узенькие улочки, мощенные истертым камнем, были здесь всегда.

А вот люди, напротив, всего лишь мгновение.

На фоне Города мы все почти прозрачные, словно нарисованные. Причем, так, небрежно нарисованные. Временный набросок.

Мы сидим с Мишей в маленьком нарисованном кафе, пьем кофе и разглядываем людей.

Миша умиротворенно, я – восторженно.

Миша прожил здесь много лет, я в Иерусалиме четвёртый или пятый раз.

Через дорогу араб таксист, размахивая руками, что-то растерянно объясняет религиозному еврею. Судя по всему, сел аккумулятор. Еврей слушает его за рулём маленькой Тойоты и хмурится. Слов не разобрать. Да и не особо я пока иврит понимаю. Но в целом, смысл сценки мне ясен.

Еврею совсем не улыбается задерживаться на дороге, ведь скоро зайдет шабат. Он пожимает плечами, смотрит на часы, но, видать, водительская солидарность всё-таки берет верх, и он, вздыхая, лезет в багажник за проводами.

– Фигасе! – качаю головой я, – такое, наверное, редко увидишь? Араб и датишный!

– Ну почему, – спокойно пожимает плечами Миша, – это Иерусалим...

Он достает табак и начинает крутить самокрутку. Солнце играет в его длинных волосах.

Я отвлекаюсь от таксиста и снова начинаю вглядываться в прохожих.

– Ну вот где она? Почему женщин вечно ждать приходится! – ворчу я, – приехала называется к отцу. Всё время друзья какие-то, мужики знакомые... Вот тебя, небось, так дочь ждать не заставляет...

– Ну что ты бубнишь? Старика что ли словил, – улыбается Миша, – я своих дочерей тоже жду не знаю сколько. Вон, смотри, идёт, похоже! Это же она?

Она. Моя дочь просто чертова красавица! Самая красивая на свете. Улыбаясь, проходит между столиков, и все огляды-

ваются на неё. Она обнимает меня за плечи, целует в щеку и падает на стул рядом.

– Привет, папа. Это Гриша.

– Григорий, – протягивает руку улыбочивый молодой парень. Ну вроде ничего.

– Привет. Шакшуку будете?

– Будем! – хором отвечают они.

Голодные. Выглядят, кажется, счастливыми.

– Ну вы, конечно, всё самое интересное пропустили, – по инерции ворчу я, – Миша такую экскурсию устроил, ни один гид такую не устроит. Показал мне настоящий, свой Иерусалим, изнутри... Когда теперь ещё удастся повторить... Всё ты пропустила, а завтра уже в Москве будешь.

– А я ещё приеду к тебе, пап, мне очень Израиль понравился! – дочь обменивается с Гришей многозначительными улыбками.

Ага. К отцу, значит, она приедет.

Араб наконец заводит свою тачку, улыбается, благодарит еврея, тот сдержанно кивает. На шею друг другу бросаться не спешат, но оба довольны – один успел-таки до наступления шабата, второй наконец-то поехал работать.

Шакшука удивительно вкусная, острая и горячая. Садится солнце, жара уже начинает спадать, улицы как-то незаметно пустеют.

Настя что-то в полголоса обсуждает со своим Григорием, а Мишка разговаривает по телефону.

Я сижу и просто молча наслаждаюсь разлитым в воздухе спокойствием и умиротворением.

– Ну ладно, котики, вы гуляйте, а мне нужно ещё в одно место заехать, – поднимается Миша и мы обнимаемся, – шабат шалом!

– Шабат шалом, – улыбаюсь я его «котикам», никак не могу привыкнуть, – да мы тоже пойдем уже, часик ещё погуляем и домой. Настя завтра улетает.

Мы прощаемся и идём по направлению к Храмовой Горе.

– Шабат шалом, – улыбается нам компания, идущая навстречу.

– Шабат шалом, – почти хором отвечаем мы.

Явно не израильтяне, я стал наших вычислять безошибочно. По-моему, это американцы, американские евреи часто прилетают в Иерусалим на Йом Кипур.

Хорошо, что дочь впервые видит Израиль именно таким, как я и хотел – мирным, гостеприимным и добрым.

Мы не спеша доходим до Яффских ворот, поворачиваем направо и вдоль стены Старого Города начинаем спускаться вниз по улице.

– А это что за развалины?

– Полагаю, тот самый разрушенный Храм...

– Ого! Прямо здесь?

– Ну а где ещё.

– Ой, а что там такое справа? – поднимает ладонь козырьком Настя.

– Справа Бассейн Султана.

– Не хилый такой бассейн у него был!

– Ну так султан же, не хрен с горы... А хотите, зайдём посмотрим? Миша говорил, здесь концерты устраивают большие иногда. Вот представляешь, Настя, сыграть в таком месте свою музыку!

Настя согласно кивает. Кому ещё этого не понимать, как не музыканту.

Тени становятся всё длиннее и длиннее, садится солнце, а мы всё идём по Вечному Городу и говорим, говорим. Мы не виделись с Настей два года, с тех пор, как я уехал жить в Израиль.

И я остро чувствую счастье. Именно сейчас, в этом моменте.

Эх, если бы только можно было записать эти мгновения на пленку! Этот древний город, это закатное солнце. Безмятежно смеющуюся девушку, которая так похожа на меня самого. Наверное, я бы крутил эту пленку на репите до конца своих дней.

Или даже нет! Я бы запечатал эти мгновения в янтарь, словно диковинное насекомое. И потом, через много-много лет, когда уже нас всех не будет, какая-нибудь девочка найдёт этот кусочек янтаря и захлебнется от восторга...

Из Иерусалима выезжаем втроём – я, Настя и Григорий, выезжаем вместе с первыми звёздами.

По большей части молчим.

– Ну что, Гриша, тебя в Тель-Авив завезти? – спрашиваю я, глядя в зеркало заднего вида.

– Да, было бы здорово.

Я делаю погромче радио, звучит очень красивая песня на иврите. От перепада высоты слегка закладывает уши.

– Ну как тебе Израиль? – спрашиваю я дочь.

– Здорово! Мне нравится. И здесь столько людей похожих на меня!

– Это да, – улыбаюсь я, – еврейская кровь никуда не девается. Удачно получилось, что ты приехала именно в Йом Кипур. И удачно, что у нас так тихо сейчас. Частенько в праздники наши соседи какую-нибудь гадость устраивают.

Какое-то время едем молча. В свете фар мелькает дорога, вырубленная прямо в скале.

– А помнишь те фотографии в музее, которые мы с тобой видели? – спрашивает меня дочь, – Это же тоже было на Йом Кипур 50 лет назад? А что тогда случилось, я очень мало про это знаю?

– Случилась война, Настя. Ровно пятьдесят лет назад, Война Судного Дня. Я сам недавно узнал подробности. Это очень страшная и тяжёлая страница истории Израиля. Тогда напали с юга и с севера, одновременно. Застали врасплох. Было много жертв, это была настоящая резня, почти в каждой семье кто-то погиб...

Но больше такого не произойдет, Израиль стал сильнее, Израиль стал осторожнее, больше враги нас врасплох не за-

станут, Настя. Так что приезжай к нам спокойно и почаще, мы тебя всегда ждём.

Дочь кивает.

– Пап, можно я домой сама попозже приеду, а сейчас с Гришей в Тель-Авив?

Очень хочется "включить старика", но я сдерживаюсь и даже не ворчу.

– Беседер. Только приезжай вечером, а не утром, автобусы допоздна ходят.

– Ага, – говорит Настя, и я по голосу слышу, что она улыбается.

Ну вот и закончились наши с ней римские каникулы.

На душе у меня спокойно, если ей понравилось, значит, ещё приедет. Опять же Гриша...

Высаживаю их во Флорентине, где Григорий снимает квартиру.

Через пятнадцать минут я уже у себя дома в Петах-Тикве. Израиль такой маленький!

Надо бы завтра с утра проконтролировать, чтобы Настя ничего не забыла, и ещё заправиться надо, – говорю я себе и тут же засыпаю, да так крепко, что даже не слышу возвращения Насти.

Я сплю и мне снится, как таксист араб на иврите объясняет мне, какой бензин я должен залить в свою Тойоту.

7 октября 2023

Какой громкий звук! Они сдурели что ль совсем? Эй, пожарные! Или это скорая?

Выключайте к хренам свою сирену, город пустой же!

И наконец, я окончательно просыпаюсь. Нет, это не скорая! Это, кажется, воздушная тревога!

– Это воздушная тревога, – деловито говорит Марик, будто уже сто раз просыпалась от тревоги.

Мы начинаем быстро одеваться.

– Что это такое? – слышу заспанный голос Насти, когда интересно она ночью вернулась, я и не слышал...

Собака в восторге забегает в комнату, виляя хвостом.

Вслед за ней появляется уже полностью одетый Борис.

– Это азака, спускаемся вниз, – говорит он спокойно.

– Что-что? – переспрашивает его Настя.

– Тревога, – бросает Боря, пристегивая собаку к поводку, – пошли, пошли... потом умоетесь.

Азака. Теперь навсегда это слово запомню. Это что ж, в нас ракету что ли пустили?!

На лестнице столпотворение. Сколько, оказывается, у нас соседей! Многие по-настоящему испуганны, но большинство – злые.

Собаки впервые встретились в подъезде все вместе. Они устраивают бурное знакомство с обнюхиванием, рычанием и

лаем. Мальчик с первого этажа испуганно плачет, он боится собак.

– Ой, я только воды возьму, – неожиданно говорит Марик и пытается подняться обратно.

– Стой, – останавливает ее Боря, – давай под лестницу, сейчас начнется!

Бам! Бам-бам!

Словно по грудной клетке бьют доской.

Бам!

Дребезжат стекла. Кто-то присел на корточки, кто-то выругался. Соседский мальчик перестаёт плакать.

Бам. Бам. Бам.

Вот сейчас совсем близко. Двери в подъезде стеклянные, если ракета упадет во дворе, стекла же в нас полетят!

Бам!

У соседей начинают громко звонить телефоны.

Что это вдруг у всех вместе-то? – удивляюсь я, но тут же понимаю, что это сработали приложения об обстрелах. Я заглядываю через плечо в чей-то телефон, весь экран в красных точках.

Нет... Это не просто ракету пустили. Это десятки, если не сотни ракет. И они летят в нас прямо сейчас.

– Что-то слишком много, – хмурится Боря.

– Война началась, – не отрываясь от телефона, говорит сосед, – они на юге прорвались, в Сдерот зашли...

Я забиваю Сдерот в навигатор, показывает 77 километров.

Израиль такой маленький!

– Север тоже бомбят, – заглядывает в телефон соседка, – вот сволочи!

Настя со спокойным видом сидит на полу, опираясь на стенку. Она погружена в свой телефон, наверное, такая защитная реакция.

Марик обнимает и успокаивает собаку.

– Всё, – говорит Боря, – пошли. Закончилось.

Мы поднимаемся в квартиру, и я выхожу на балкон.

Тишина. По-летнему жарко, напротив дома дерево, усыпанное красными цветами. Словно ничего и не было.

Но нет, было... Завыла скорая помощь и я вздрагиваю.

– В Бен-Гурион не дозвониться, – констатирует Марик и кладет телефон, – не знаю, стоит ли ехать вам или подождать информации.

– В сети пишут, что самолеты не летают, аэропорт закрыт...

– Кто пишет?

– Ну... люди разные...

Марик снова берет телефон.

– Пока нет официальной информации об отмене рейса, действуем так, словно ничего не происходит. Надо ехать в Бен-Гурион.

Раздается звонок, звонит из Нетании наш друг.

– Привет, ну вы как, норм?

– Как сказать, только что бомбили...

– Да уж в курсе, нас тоже. Дочь отправил в Москву? Или отменили рейсы? Сейчас лучше подождать и из дома не выходить.

– Ничего пока не отменили, сейчас поедем. Если сейчас время упустим, потом точно небо закроют.

– Угу. Только вы осторожнее. И двери пока закройте. Ракеты – это не самое плохое... Там ребята с юга пишут, террористы расстреливают людей прямо на улицах. И по квартирам ходят. Вот, видео прислали, в общем, берегите себя.

– Вы тоже.

Я открываю видео. Типичная улица маленького израильского городка. Зелень, цветы, много солнца. С одинаковым успехом, это может быть и Бат-Ям, и Ришон и Петах-Тиква. Шабатнее утро, на улице никого. Хотя нет, кто-то на остановке автобуса... Что это? Это люди! Мертвые люди в окровавленной одежде. Две пожилые женщины, вот еще девушка... Один, два... пять... А вот ещё!

Господи, сколько же их по всей улице лежит! Наверное, стояли на остановке, ждали маршрутку. А эти пытались убежать...

– Настя, ты готова ехать?

– Да, но еще рано, вроде...

– Ничего, поедем пораньше, мне еще заправиться нужно. Если нет, вернемся, останешься пока у нас, но шанс надо использовать.

– Поезжайте, – хладнокровно кивает Марик, – если будет

азака, вылезайте из машины и ложитесь на асфальт.

– Голову руками закрывайте, – добавляет Борис, – осколки падают.

Когда мы садимся в машину, где-то вдалеке начинает опять бахать. На улицах никого, так пусто, что становится по-настоящему страшно.

Краем глаза смотрю на Настю. Ноль реакции, сидит в телефоне, по-моему, переписывается с друзьями или листает Инстаграм.

Умничка, не только красавица, но и смелая девочка.

Ну вот как при такой дочери можно бояться?!

Оказывается, очень даже можно.

Я выезжаю на шоссе и включаю радио Гальгалац.

Это армейское радио.

– Суки, такую осень обосрали, – говорю я, просто чтобы не молчать.

Настя отрывается от телефона и кивает.

Неожиданно песня прерывается тревожным рингтоном и в тишине раздаётся:

– Атраа! Тель-Авив Яффо, Тель-Авив мерказ.

Настя смотрит на меня, и я вижу, что ей тоже страшно.

– Это Тель-Авив бомбят, Яффо, где мы гуляли с тобой...

– Атраа! Холон, Гиватаим, Ришон-ле-Цион.

– Это далеко отсюда? – спрашивает Настя.

– Да, – киваю я, – далеко...

Словно опровергая мою ложь, в небе опять начинается ба-

хоть. Лишь бы не закрыли аэропорт.

– Нам останавливаться точно не надо?

– Нет, едем, не останавливаемся.

Музыка опять прерывается.

– Атраа! Сдерот, Ашкелон цафон, Ашкелон мерказ, Аш-
дод, Нир Ам, Нир Оз...

– Ага, это юг бомбят...

– Атраа... Атраа... Атраа...

Вон заправка, надо заправиться, бак пустой. Кстати, пустой бак намного опаснее полного. Если осколки там...

– Атраа! Бней-Брак, Рамат-Ган...

– Настя, я радио выключу, бесит. А то я так только отвлекаюсь и нервничаю.

– Давай, а мы ничего не пропустим?

– Нет, если что, сирену услышим. Не волнуйся, это ещё далеко, – успокаиваю я её, но больше самого себя.

Неожиданно впереди, чуть слева от дороги, в небо взмывают две противоракеты, и над Рамат-Ганом дважды бахает.

– Близо, – без всякого выражения говорит Настя, наблюдая как два маленьких облачка быстро уносит ветром.

Я съезжаю с дороги и поворачиваю на заправку. Кроме меня на АЗС всего одна машина. А как же очереди за бензином во время войны?

Девушка в военной форме с оружием заливает бензин, и даже со стороны видно, какая она злая. С ней парень... Ой, я, кажется, его знаю... Какой же Израиль всё-таки маленький!

– Андрюха, привет!

– О, привет, Кирилл! А ты куда?

– Дочь в аэропорт везу, вот боюсь, не закрыли бы. Она гостила у нас, сейчас должна в Москву возвращаться. Суки, несколько часов не могли подождать... А вы куда?

– Лучше б они вообще не начинали! Мы заправиться заехали, сестру срочно в часть вызывают, вообще всех вызывают, – Андрюха понижает голос, – сестра говорит, всё, они допрыгались, пизда Хамасу. Теперь Газу с землёй сравнивают. Но вы там сейчас поосторожней, возможны проникновения отдельных групп террористов.

– Ну не здесь же, не в центре!

– Да сколько тут ехать от Газы, если они рано утром вошли, могут и здесь уже быть. В общем, берегите себя.

– Вы тоже. Удачи.

Перед аэропортом нас останавливает военный патруль. Я сразу напрягаюсь, с ивритом у меня, по-прежнему, неважно. Но нас даже ни о чем не спрашивают, солдат заглядывает в машину и сразу показывает, мол, проезжайте. На арабов мы не похожи.

В Бен-Гурионе всё спокойно. Ни суеты, ни очередей. Рейсы не отменяются, небо не закрыто. Спасибо нашему Железному Куполу.

Неужели всё получится? Да, конечно, получится, уже получилось, вот и рейс её, и регистрация идёт! Я испытываю облегчение, словно гора упала с плеч. Через несколько часов

дочь будет в безопасности.

Я обнимаю Настю и мне вдруг становится очень-очень грустно.

Я еду по пустым улицам домой и перебираю в памяти счастливые солнечные дни, проведенные с Настей. Конечно, я буду следить за её самолетом, пока она не сядет в Москве.

А пока я выключил радио, не хочу слушать ни новостей, ни предупреждения об обстрелах.

Война теперь с нами надолго и о войне я ещё успею подумывать...

Похоже, завтра будет хамсин. Хамсин придёт с юга, со стороны Газы, принесёт с собой жару и расплавит безмятежное небо.

И наполнит ветер песком.

16.11.2023

Израиль, Петах-Тиква

Мама

Я стою около плаца, спрятавшись за щит с плакатом. На плакате написано – Боец! Будь бдителен! До границы 30 км! И нарисован бдительный солдат с автоматом.

На плацу идёт смотр в честь 23-го февраля. Полковник что-то вещает мужественным голосом про родину. И опять же про бдительность. Только что я вернулся в свою часть, прилетел из Москвы.

Я стою на ветру и не решаюсь подойти к своей роте – пока я не объявился, я гражданский, не смотря на шинель и погоны.

Этого всего не может быть! – говорю я себе, – это всё не реально! Мама умерла и больше я её не увижу никогда. Даже когда закончится служба и я вернусь домой. Теперь я буду видеть её только на памятнике в Солотче.

Я не чувствую щёк, замёрзли ноги и руки. Пальцы, сжатые в кулак не разжимаются. За две недели я отвык от армейских сапог и шинели. Я вообще отвык от всего этого безумия – от холодного ледяного ветра, серых казарм, белых сопок. А служить мне здесь ещё год, даже больше.

Каждый день вставать по команде, идти в парк и, примерзая к броне крутить гайки. Жрать эту мерзлую картошку и мясо шестидесятих годов из стратегических запасов на случай войны. Маршировать по плацу на построении и петь

строевые песни, глотать эту долбанную угольную пыль в наряде по кочегарке... Только писем от мамы больше не будет...

Я смотрю, как переминается с ноги на ногу наш оркестр, им бедалагам ещё и играть на этом морозе. Смотрю на нашу роту... знакомые лица, среди них есть друзья, только вот, не хочется никого видеть, даже говорить ни с кем не хочется. Может сейчас развернуться и потихоньку свалить... Вообще свалить! И не возвращаться! С этой жизнью не повезло – дайте другую! А эту можно выключать как кино, я досматривать не буду...

Мама умерла 7 февраля. В Рязань я приехал несколькими днями раньше.

Прилетел из Владивостока в Москву, потом поездом в Рязань. Когда я увидел её, сразу понял, что мог и не успеть! Я должен был добираться быстрее! Не нужно было делать остановки, не нужно было ночевать в Москве, нужно было бежать бегом... Я всё знал, хоть и, в глубине души, надеялся на чудо.

Мама улыбалась мне своей тёплой улыбкой и гладила по голове. Рука была исхудавшей и дрожала.

А я сидел у её кровати, положив лицо ей на плечо, чтобы не было видно слёз.

– Успел, сынок, – тихо говорила она, – успел...

Мы виделись два месяца назад в Магадане, где маме делали операцию. Тогда мы смеялись и много болтали. Я расска-

зывал разные веселые истории из моей службы, а она говорила о своей болезни как о каком-то досадном недоразумении, из-за которого пришлось бросить её любимую школу и лететь в Магадан. И хорошо, что теперь, после операции всё будет в порядке, и что скорее бы закончилась моя служба, и как хорошо было прошлым летом в Солотче...

Это прошлое лето... Она писала мне про него не раз – как было тихо и солнечно в лесу, как неожиданно для себя она встречала людей, которых не видела много лет. На фотографии, которую она прислала мне всего полгода назад, мама сидит с книгой на лесной поляне загорелая и молодая. Надо же – всего полгода назад.

Она всегда любила эти места, мещерская земля, как она говорила, родина Сергея Есенина...

Она здесь выросла, сюда приезжала летом на каникулы, а позже в отпуск с далекой холодной Чукотки. Когда родился я, стала приезжать сюда со мной. Мы часами бродили по сосновому лесу, утопая в жёлтом песке, брели по старой узкоколейке, ведущей как будто прямо в прошлое. Мама рассказывала мне истории про Лысую Гору и ведьм, было страшно и интересно. Она читала мне Маугли и Винни-Пуха, Эдгара По и Бредбери...

Жаль, что тем последним летом меня не было рядом, в это время я уже летел на танке через высокую траву и густой кустарник, рвал дикую лесную черемуху и открывал пошире рот при танковых залпах. Я орал во всю глотку песню легио-

неров из Обитаемого Острова Стругацких, и нырял в нагретые солнцем лужи, не слезая с брони БМП.

Прошло всего два месяца после той встречи в Магадане, и вот я снова вижу её. Теперь в онкологическом отделении рязанской больницы. Не изменилась только её улыбка...

Мама сильно похудела и выглядела очень усталой, глаза были затуманены обезболивающим.

– Ты и потом мне приноси цветы, – гладила мама меня по голове, – в Солотчу. Голос её был таким спокойным и уверенным, что было просто не уместно говорить то, что говорят в таких случаях. Нет! Ну что ты! Всё будет хорошо!

Я просто молчал, стараясь запомнить её голос. Я очень остро чувствовал, что никакого потом не будет, есть только сейчас.

Ночью её не стало.

Похоронили её в Солотче, как она и хотела. А через несколько дней я улетел обратно в Приморье.

И вот я стою у плаца, укрываясь щитом от ледяного ветра и посторонних взглядов. Я пытаюсь вспомнить мамин голос... и не могу. А с плаца доносится:

«...Продолжая выполнять свой воинский долг с оружием, которое нам вручила наша родина... Дальневосточные рубежи нашей родины... Повторяя подвиг наших отцов и дедов, защитивших нашу родину...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.